

Екатерина

Беляева-Чернышѐва

**СИНЕЕ
СЛОВО**

Екатерина Беляева-Чернышева

Синее слово

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39854617

ISBN 9785449605351

Аннотация

Книга издана при финансовой поддержке Министерства культуры Российской Федерации и техническом содействии Союза российских писателей.

Содержание

Предисловие	6
ПЕРЕЛЁТНОЕ ВРЕМЯ	9
«Приходим в мир – и, зрея до поры...»	9
ПЕРЕЛЁТНОЕ ВРЕМЯ	11
I. ГОЛОВОКРУЖЕНИЕ	12
II. ВОЗВРАЩЕНИЕ К ИСТОКАМ	13
III. ДВА МОНОЛОГА	14
IV. ПОТЕРЯ ОПОРЫ	17
V. ПУТЬ: РАЗВИЛКА	18
VI. ПРОЩАНИЕ	19
VII. МОЛИТВА	20
VIII. ПОЛЁТ	21
IX. ПОСТСКРИПТУМ	22
«На строке чужой, на взлёте, взмахе крыл...»	23
«То ли «нет», то ли «да...»	25
КРЫЛЬЯ. ДЕТСКОЕ	26
КРЫЛЬЯ. ВЗРОСЛОЕ	27
«Мне тридцать... Игра, право слово, не боле...»	29
ЦИКЛ «МАСТЕРА СУДЕБ»	30
1. БЕГ	31
2. ОБРЫВ	32
3. СЮЖЕТ	33

4. ТВОЯ. МОТИВ	34
5. БОЛЬ. АРМАГЕДДОН	36
6. ФИНАЛ	37
«Электрички...»	39
«А воспоминанья – закрытые двери...»	40
«Звёздочка-фонарик серебрится...»	42
«То время тяжело далось...»	44
ВОЛНА	45
«Закрывается дверь. И, туманом дробясь...»	46
«Нет, и нет, и ещё раз нет...»	47
«Неясный звук разбудит в час ночной...»	50
ПЕСОК НА ЮЖНОМ БЕРЕГУ	51
ЦИКЛ «СНЫ БЕЗВРЕМЕНЬЯ»	51
1. СОН	52
2. ВРЕМЯ	53
3. ПАРИЖ	54
4. БЕЗВРЕМЕНЬЕ	56
5. ОДИНОЧЕСТВО	57
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Синее слово

**Екатерина Беляева-
Чернышева**

© Екатерина Беляева-Чернышева, 2018

ISBN 978-5-4496-0535-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Мне тридцать... Игра, право слово, не боле.
Я девочка, женщина, ветер на воле.
Внезапная блажь, потаённое зелье —
ещё на губах не застыло веселье —
но я уже знаю, что скоро поманит
иное, что прошлое плотно затянет
туманом. И скрипнут протяжно ворота;
я стану лишь временем, точкой отсчёта...

Это стихотворение написано автором за девять лет до его (её) сегодняшнего возраста. За плечами – начало самостоятельной жизни без опеки родителей, которые «научили быть счастливой и, даже когда плохо, видеть красоту» (так сказано в посвящении к первой книге). Спасибо родителям за науку, ибо лирическая героиня стихотворения (она же автор), стала «точкой отсчёта» двум двум новым жизням, обретя за мужество, став любящей матерью.

И куда уйти от ответственности за будущее детей, семьи, матери, живущей в Казани, да и Отечества, по большому счёту, коль всё это, родное и любимое, колеблется на той же грани добра и зла, веры и безверия, бытия и возможной катастрофы?

И вот уже в стихотворении, написанном в 2016 году, Ека-

терина признаётся: «Страшно мне, Господи! – нет у меня ответов; // вольно мне, Господи, жить меж твоих вопросов».

Вольно ли, если вдруг вздумается не только отвечать на вопросы, но и задавать их всему мирозданию, ибо верь – не верь, она почувствовала, ощутила и поняла: «Не заменить безвременью и бессмертью // кратких минут осторожных прикосновений». Кратких минут счастья, наверное, которое быстротечно... Не случайно же стихотворение «Скупой рыцарь» (о старике-скупце и сыне-расточителе, разумеется) заканчивается двумя строчками, констатирующими «двух крайностей равно порочных непримиримое родство»...

Вдумайся, искушённый поэзией читатель – не лермонтовский ли силы замах поставлен автором в собственном творчестве? Лично во мне это вызывает только уважение. Признак истинного поэта – его стремление отвечать на вечные вопросы, не уклоняясь от них. В подтверждение приведу строчки ещё одного стихотворения этой же книги:

То случай иль крыло упруго
над ними демон распростёр:
они смотрели друг на друга
через костёр.
Был жар земной и мрак небесный
(«Не смей, не говори, не стронь...»)
Им оставался шаг до песни —
через огонь.

И этот шаг, из ниоткуда,
всех стоил пройденных шагов,
и так легко творилось чудо
без лишних слов.

Вокруг происходило что-то,
но мимо шло, поверх голов.
Миг оставался до полёта —
через любовь.

На этом месте прерву цитату, чтобы искренне пожелать
Кате Беляевой-Чернышёвой творческого полёта в будущее —
через любовь...

*Николай Алешков, председатель Татарстанского отделения
Союза российских писателей.*

ПЕРЕЛЁТНОЕ ВРЕМЯ

«Приходим в мир – и, зрея до поры...»

Приходим в мир – и, зрея до поры,
лежат и дремлют, как в шкатулке тайной,
на дне души бесценные дары,
чтоб в свой черёд проснуться неслучайный.
Не зная назначенья своего,
упрямо ищем, замыкая звенья.
Желания даются для того,
чтоб дух воспламенять прикосновеньем.

Чтоб от невзгод не гнуться пополам
(авось кривая вывезет подранка) —
сама судьба даётся в руки нам,
чтобы однажды с ней сыграть в орлянку.
Заранее пределов не узнать.
Не для корысти и преумноженья —
поставлены условия – чтоб взлетать,
чтобы за грань рвалось воображенье.

Вот образ, ярко вспыхнувший момент,

он возникает будто ниоткуда...

И есть игра – отличный инструмент,

чтоб воплотить неведомое в чудо.

А миг прозренья высветит до дна

твой путь мерцаньем древним палантира.

И наконец любовь ещё дана —

чтоб видеть красоту и радость мира.

ПЕРЕЛЁТНОЕ ВРЕМЯ
Поэма

I. ГОЛОВОКРУЖЕНИЕ

Одной, у окна в коридоре пустом, вдруг,
невзначай, в глухой тиши догадаться,
отчего движение губ и рук
(а кого – неважно) так отозваться
способно. Сумбурный, свистящий ритм —
а всё низачем, не о том, не в тему —
и не спастись от-глагольных рифм,
от-счастья, от-головой-о-стену.

II. ВОЗВРАЩЕНИЕ К ИСТОКАМ

Нет, ты не думай, это не измена,
а просто неизбежная тоска
о жизни. Знаешь, тонкий запах тлена
и этот отвратительный оскал —
вот собственного будущего знаки —
и это перечёркивает всё
возможное. С бездомностью собаки
завыть в ночи на тихое житьё
(неотменимо горькая примета
об окончательном, чему не быть).
И веришь ты, что мимолётность эта
всерьёз способна что-то изменить?
Забудь. Мне видеть непереносимо
укор, стаённый на твоих губах.
...Но наше счастье, даже жизни мимо
несу молитвой в сложенных руках.

III. ДВА МОНОЛОГА

Монолог первый: Вы

Я никогда не оскорблю
признанием. Глупо и бесцельно,
ведь это даже не любовь,
лишь тень бесплотная её.
Я так давно – не Вас – люблю,
видать и правда – беспредельно;
смотри-ка: в самом деле – кровь,
сквозь пальцы на письмо ничьё.

Ах, эти белые листы
чудесной принтерной бумаги,
головокружительностью сна
и многозначностью влекут.
Пока они ещё чисты —
не растерять бы мне отваги,
сильней алеет белизна
сквозь перечёркнутый уют.

Монолог второй: Ты

А ты (ведь мы давно на «ты»,
ведь кто ещё родней и ближе?)
не сомневайся, это явь

(никто, никто не виноват),
но не забудь мои черты,
но говори как можно тише,
и обязательно оставь
те несколько минут и взгляд.

(Но ты оставь их для меня,
те самые, в ещё грядущем,
когда сойдутся, наконец,
все шестерёнки и зубцы,
когда вильнёт моя лыжня,
в изгибе замерев зовущем —
я ткнусь лицом в сухой чабрец,
упав, как падают птенцы.)

И дождь, и листья – и кресты,
само собой, – повсюду знаки,
пугают звёзды и луна
(но многозначностью влекут) —
но эти белые листы!..
Не растерять бы мне отваги,
ещё алеет белизна —
оставь мне несколько минут...

Оставь! Но ты отводишь взгляд,
и смотришь будто бы обычно,
что ты немного уязвлён
не подавать стараясь вид,
а мне об этом говорят

твои черты, притом отлично:
бровей чуть схмуренный наклон
и складка детская обид.

(Такая тишь – над всей землёй —
как будто ночь сама уснула.)

Начистоту: мой глупый пыл
ничто не в силах остудить.

Родной, о чём ты! Милый мой,
та тень, что птицей промелькнула —
ведь это только повод был,
чтобы с тобой поговорить.

IV. ПОТЕРЯ ОПОРЫ

Что же – вот и поговорили.
Вот и всё – наперекосяк.
Если б знали, покуда жили,
что аукнется нам и как.
Как всю жизнь повернуть заставит
вслух отплаканная мольба;
если б знали, куда направит
с нами связанная судьба!
(Нити спутаны – вот забота! —
заколдованный тот клубок.)
Сквозь меня происходит что-то,
как по венам пустили ток.
И не мной уже путь решаем,
остаётся лишь вслед шагать —
ничего, ничего не знаем,
ничего не предугадать!

V. ПУТЬ: РАЗВИЛКА

Нет, не мне идти проторённый,
весь решённый, на целый век.
Ах, кусочек заговорённый,
деревянный мой оберег!

(Руны тонкие вырезая —
силы ветра, любви, крыла —
разве знать до конца могла я
мощь, которую призвала?)

Так времён страшит перемена,
смена листьев и птиц отлёт —
не измена – но не-изменно
кардинальнейший поворот.

Так – каких-нибудь пять или семь дней —
глянь: деревья-то – голытьба.
Так с пронзительностью осенней
не любовь уходит – судьба.

VI. ПРОЩАНИЕ

Счастье резкое и простое. Слов —
не сказать, чтоб много, а жизнь — на взлёте,
разговор — не-здесь, где-то вне основ,
вне земных понятий, на высшей ноте.
И не нужно напрасного: «Напиши!» —
нас, как видно, кроили из ткани цельной,
навсегда останемся — две души,
породнённые близостью запредельной.
Прощай! Впереди — жизнь.

VII. МОЛИТВА

Светлый, Господи! Славься! Чуден мир Твой,
ясен лик! Без оглядки – благодарю.
Напоённый до края душистой миртой
день поющий – к весеннему алтарю.
В воскресенье ребёнка – верхом на пони.
Друга давнего – в дом, нараспашку дверь.
Отошедших с миром – Тебе в ладони.
Если можно: куда же меня – теперь?
Не ропщу – мне ли дерзкое молвить слово!
В день труднейший ведома твоей рукой,
я и горькую долю принять готова —
а свобода – *вот так* – мне дана впервой.
Не могла и представить – легко и вольно —
не надеясь любила, едва дыша,
и не знала сама, как мне было больно,
как была несвободна моя душа!
А теперь... Ах, разлука пускай, тревога —
но любить – и услышать в ответ: «Люблю!» —
разве это возможно, не слишком много?
Боже, Господи! Благодарю!

VIII. ПОЛЁТ

Кто мне дал – бескорыстно – вечность?
Кто меня научил летать?
Свойство высшее, человечность —
вот и встретилось мне опять.
Пить взахлёб из-под неба-свода
синь-заоблачные края...
Неужели она, свобода —
целиком, насовсем – моя?!..

Здравствуй, небо моё,
крылатый,
здравствуй, ветер,
моя отрада,
здравствуй, жизнь моя,
невозможный,
здравствуй, здравствуй,
моя весна!

IX. ПОСТСКРИПТУМ

Что ж, по знакам, как по столбам,
отмечающим километры,
пробирайся к своим крестам,
подбирая слова и ветры.

Что же, выбрано – решено.
Время будет дотошно строго.
Нам судьбы на двоих дано,
одному это слишком много.

Всё возможно пока ещё;
синей складкой взметнётся тога,
ляжет жизнь на твоё плечо
безупречной ладонью Бога.

«На строке чужой, на взлёте, взмахе крыл...»

На строке чужой, на взлёте, взмахе крыл,
помоги мне удержаться, строгий Бог.
Невозможно, невозможно, нету сил —
Этот голос, эти ритмы, этот слог.

Вся бессильная словесная труха,
все ответы и пути, течение вод
перечёркнуты звучанием стиха,
где литая интонация живёт.

И живая, неподдельная, как стон,
нарастая, тихо, исподволь она
подчинит себе глубинный рокот волн,
ропот моря, потемневшего до дна.

Так на счастье, на мученье и беду,
перехлёстывает пена прямо к нам
(так воздушные потоки ерунду
легковесную вздымают к небесам).

Позабыв свои огрехи и грехи,
задыхаясь, спотыкаясь и спеша,
в том горниле, где он выплавил стихи,

каждый раз переплавляется душа.

«То ли «нет», то ли «да...»

То ли «нет», то ли «да».
Синеватая наледь.
Вот и всё. Холода.
Ничего не исправить.

Ты не то, чтобы лишний,
но грустит у перрона
поезд в Нижний —
всего-то четыре вагона.

Гам. Дымит самокрутка.
(Ночи сумрачно лунны.)
Отъезжает маршрутка
до Парижской комунны.

Перевозчиков прыть,
с багажом суматоха...
Я стараюсь не быть.
Получается плохо.

И гудки говорят
даже слишком понятно.
Холода. Снегопад.
К декабрю, вероятно.

КРЫЛЬЯ. ДЕТСКОЕ

Ты мог бы стать моей безудержной любовью,
но ей не стал; не стал надеждой зыбкой.
Ты мог бы – но не станешь – ни судьбою,
ни даже первой страшною ошибкой.

Я, верно, всё могла б преодолеть
с тобой – но, кажется, недостаёт отваги
зажмурившись, шаг сделать – и взлететь,
легко, как самолётик из бумаги.

Взлетев, открыть глаза и увидеть,
как далеко земля – и будь что будет...
А знаешь, если рук не разнимать,
то всё не важно – ветер, годы, судьбы.

Так что ж я нерешительно стою
у края этой пропасти прекрасной,
и не могу произнести «люблю»,
и чудится, что всё вокруг – напрасно?..

Сомнения клубятся серой пылью —
всё не пойму из наших встреч земных:
способны ли твои к полёту крылья,
и вообще ты помнишь ли о них?

КРЫЛЬЯ. ВЗРОСЛОЕ

Всем моим посвящается

Чёрное – белое. Холод – жара.
Вечно звучащее: «Надо. Пора».
Вечно-родное, летящее мимо.
Дверь закрывается – неотвратимо.
Верить – не верить, запомнить – забыть.
Это посмертное право – любить.

...Знаешь, любое прощание – смерть.
Не выходи за порог смотреть.
Просто ли видеть, как вдалеке
тает фигурка? Так на песке
белом прибрежном – тают следы,
так уплывают весенние льды,
так замерзают зимой в холода,
так забывают меня – навсегда.

Время, я тоже училась жить.
Проще остаться, чем уходить.
Тупо, бессмысленно, глядя на пламя —
проще, чем так вот – своими руками!
Проще, чем, первым шагнув в пустоту,
крылья успеть отрастить на лету.

Многие я не постигла науки,
так не давалось забвение в руки.
Так зачастую я наперёд
знала откуда-то – не приведёт
встретиться снова придирчивый случай
(зная, что с кем-то не встретиться – лучше),
просто и радостно, трудно и сложно —
помнила – бережно, страстно, тревожно —
каждую каплю в мерцании вод,
каждую встречу и каждый уход.

... Что ты, ведь я не просила иного.
Жизнь моя, память, синее слово,
если б не это – я, падая вниз,
не захотела б, наверно, спастись.

«Мне тридцать... Игра, право слово, не боле...»

Мне тридцать... Игра, право слово, не боле.
Я девочка, женщина, ветер на воле.
Внезапная блажь, потаённое зелье —
ещё на губах не застыло веселье —

но я уже знаю, что скоро поманит
иное, что прошлое плотно затянет
туманом. И скрипнут протяжно ворота;
я стану лишь временем, точкой отсчёта...

Мне скоро прибиться, прижаться к коленям —
и я ещё верю случайным мгновеньям,
но втайне уже начинаю прощаться
и медленно, необратимо меняться.

ЦИКЛ «МАСТЕРА СУДЕБ»

1. БЕГ

От вокзала до вокзала,
с вечера до дня —
рельса, рельса, шпала, шпала —
вертится земля.

Ночь да лёд с огнём и ветром,
кобальт и базальт.

Нежно-персиковым светом
светится асфальт.

Поезд наш вот-вот прибудет,
через пару лет.

Сволочные это люди —
Мастера Судеб.

В поднебесье лики строги,
только мы – ничьи.

По деревьям вдоль дороги
трауром – грачи.

Милосердный, невозможный,
высший судия,

путь мой железнодорожный —
песенка моя.

Жизнь прекрасна, словно осень,
донельзя остра,
вот сейчас мы грянем оземь
с первого моста.

2. ОБРЫВ

И день и ночь перемешались,
но было как-то не до них,
и наспех выплюнутый стих
внушал лишь мимоходом жалость;
а я отчаянно цеплялась
за камни, выступы, пучки
сухой травы. И светлячки
летели прочь. Земля качалась.
И жизнь упрямо не кончалась,
и темнота – живой клубок...
Твердь ускользала из-под ног
и под руками расплзалась.

А город праздновал: зажгли
повсюду сеть иллюминаций...
Мне так хотелось удержаться
по эту сторону земли!
Здесь буйно зацвело лето...
Но знаешь, вертится планета —
рывок – рука скользнула вниз
и все слова оборвались...

3. СЮЖЕТ

Вилы в руки и чуть рассвет —
прошлое вороши.

Что-то нынче моден сюжет
о продаже своей души.

А мне и нечего написать,
правды не утая.

Ну как я могла бы её продать,
если она – твоя?

4. ТВОЯ. МОТИВ

Йенифер, хотя дело не в ней

«На веки вечные. Отныне.
Иди, скитаясь по земле».
За что тебя – приговорили
на веки вечные ко мне?

Мои слова сплелись с твоими,
как руки в нежности одной.
За что меня – вознаградили
на веки вечные – тобой?
Соблазн – осеннею порою
поддаться сладостной волшбе,
уйти в туман. Но что я стою,
когда не помню о тебе?

Когда пристойно и по плану,
и всё быстрее скользят года —
кто мне ответит, чем я стану,
что мне останется тогда?

Мы дальше, дальше. Что в итоге?
Наш путь и счастлив, и нелеп.
Всё крепче связаны дороги
по воле Мастера Судеб.

И что бы ни было, отныне
я предрекаю свой исход:
твоё шепну с улыбкой имя,
пересекая Лету вброд.

5. БОЛЬ. АРМАГЕДДОН

Красною нитью сквозь путаный рунный узор,
красною, перевитою с мучительным утром;
заревом долгим затянет мутящийся взор,
будет в безумство низвергнут считавшийся мудрым.

Эта реальность уже обесцветила страх;
словно обрывки, плывут раскалённые мысли;
время уснувшей тенью укрылось в углах;
слов перестук, перезвук, отделённый от смысла.

Это рождение стиха, это сбывшийся миф,
после которого только безмолвное «кану»...
Мир перекатится навзничь, бессильно открыв
рваную, клочьями в небо глядящую рану.

6. ФИНАЛ

Чёрными каплями падает яд,
чёрные птицы над пашней летят,
чёрной дорогою стелется пыль,
снова и снова сбывается быль.

Жесты знакомы, рисунок бровей.
Небо расчертят изломы ветвей.
Пальцы не дрогнут, но хладны как лёд.
Все предсказания – в круговорот.

Ворот, воронка, крушенье и крошево,
даже в финале не будет хорошего.
Жёсткая корка, сухой переплёт;
жанром предписан суровый исход.

Ну а герои, предсмертно хрипящие —
будем же взрослыми! – ненастоящие.
Был бы сюжет и словарный запас...
Только обломки придавят и нас.

Мы, рисовавшие жизнь как градацию,
сможем сполна оценить кульминацию.
И очевидность проглянет из тьмы:
боги-создатели – это не мы.

В руны сойдутся изломы веков.

Необъяснимы причуды богов.

Ночь, расколовшись, сверкнёт как сапфир;

за нами

ветвями

протянется мир.

«Электрички...»

Электрички
разлетаются воробьями с твоих вокзалов.
Здравствуй, город.
Ты опутан круго'м сетями, и современно
бьётся пульс твой,
не только стрелки передвигая
на переездах —
но в каждом атоме-человеке
жизнь тяготеет упрямо к преодоленью.

Люди передвигаются. Люди едут.
Шлют телеграммы. Включают электрочайник.
Не говоря уж о сотовых телефонах,
ну и конечно, куда же без интернета.

Тысячи мыслей, направленных в запределье,
держат вернее, чем все провода на свете.
Город, стремящийся вырваться из окраин,
бдительно дремлет, покачивая плечами.

«А воспоминанья – закрытые двери...»

А воспоминанья – закрытые двери,
и если забыты, то не достучаться.
Молчи, в кулаке зажимая потери,
сейчас подходящее время прощаться.

Сейчас, когда солнце пошло на прибыток
и птицы трещат о весне предстоящей,
весьма подходящее время для пыток,
для судорог памяти, грусти щемящей.

Мы слишком надолго исчезли из вида
(пусть сняты засовы, но не постучится),
молчанье больней, чем любая обида.
Я тоже хочу забывать научиться!

Я тоже хочу растворяться неслышно,
пусть двери мои бутафорские стынут,
пусть летние тучи вздымаются пышно,
сбиваются в стаи и ливнями хлынут.

Пусть грома раскат напугает до дрожи,
так дрогнут на брус налетевшие дроги.
Но как ты был дорог мне! Пусто. О боже,

как пусто теперь без тебя на пороге!

«Звёздочка-фонарик серебрится...»

Звёздочка-фонарик серебрится,
мне она мигает неспроста;
сказка прямо под ноги ложится
по старинным правилам квеста.

Много ли я знаю? Да немного.
Но уже осмелилась начать.
Может быть, мне возвратят Дорогу,
если сил достанет промолчать.

Здесь любая малость вероятна,
ерунда малейшая важна;
слишком просто не прийти обратно,
если я пойду туда одна.

Старый друг со мною рядом снова,
мы разделим эту часть пути
(молча – нерифмованное слово
может погубить или спасти).

Правила просты: не теплить свечи,
не писать, имён не называть.
Даже, может случиться, будет встреча,
если я сумею просто ждать.

Вспоминаю терпкий вкус напитка,
примечаю вешки на пути.
У меня всего одна попытка,
не имею права не дойти.

«То время тяжело далось...»

То время тяжело далось,
что ни беда – всё было мало,
и день пронизывал насквозь,
а ночь почти что добивала.
одна держала на плаву
любовь – неведомая сила.
А я любила жизнь свою,
твою – тем более любила.

Но было всё, и всё – зима,
и снег, и незакрытый ставень...
И жизнь – отмерена сполна,
и каждый час был жизни равен.

А мир, как будто незнаком,
сиял нездешней новизною...
Наш город синим февралём
плыл над спешащею толпою.

ВОЛНА

Дыханьем осени, замёрзшей на лету,
глазами статуи, увидевшей звезду,
ломая льды, сметая имена, —
идёт волна.

Сквозь горечь, в горле ставшую колом,
навстречу, напрямую, напролом,
слов не найдя (они и ни к чему) —
лови волну.

Миг – и следы исчезнут на песке —
но время остановится в прыжке
кристаллами, где «рядом» и «давно»
слились в одно.

Я не спрошу зачем – и о цене —
она летит, она уже во мне;
и разметайте ключьями во тьму —
я рук не разожму.

«Закрывается дверь. И, туманом дробясь...»

Закрывается дверь. И, туманом дробясь,
стылый воздух рисует дрожащую вязь.
Очертанья внезапно отступят назад,
ещё шаг – их уже не увидят глаза,
и ещё, и ещё – и не вспомнят они,
как свои коротали бездонные дни,
и теперь даже тонкий неровный пунктир
не означает на звуки распавшийся мир —
шаг за шагом, неслышно... И кто же из нас
растворяется в утре прохладном сейчас,
кто истает туманом у края дорог,
кто из нас пережить эту встречу не смог?
Кто из нас не забыл холодящих потерь,
кто из нас? За тобой закрывается дверь.

«Нет, и нет, и ещё раз нет...»

Нет, и нет, и ещё раз нет,
ничего у нас быть не может.
Отпечатался зыбкий бред
синяком на прозрачной коже.

Наобум, безрассудно – пусть,
чем окончится – безразлично
(я вернусь, всё равно вернусь,
ты поверь, будет всё отлично).

И, немислим, проляжет путь,
разойдутся мосты и сроки.
(Объяснил бы мне кто-нибудь,
как слагаются эти строки!)

До ключиц, до запястий – в дрожь;
жить – мы раньше так не умели
(ты не знаешь, меня не ждёшь);
всё равно доберусь до цели.

Я дойду, проскользну, как тать,
сквозь опасности-кривотолки,
пусть грозятся меня сожрать
отощавшие в зиму волки;

пусть дожди промочить насквозь,
пусть леса не пустить грозятся —
всё равно – не могу я врозь
и не стану с тобой прощаться.

Как ты будешь меня бранить!
Но послушай, такое дело:
я о стольком поговорить,
помолчать с тобой не успела!

Не тревожься и не грусти,
ведь никто на земле не вечен;
верь: меня будет Бог вести
и беречь – ради этой встречи.

Ткнуться носом тебе в плечо! —
разве многого я просила?
Боже мой! – никогда ещё
не жила я с такою силой!

Не видала сибирских рек,
в городах, взаперти, острожно
закольцованный длила бег
и не знала, что всё возможно.

Впереди – целый век пути,
но ложится тропа под ноги;
подожди меня, подожди
в безоглядной моей дороге.

«Неясный звук разбудит в час ночной...»

Неясный звук разбудит в час ночной:
настойчивы, мучительны повторы...
Не отмахнись, задёргивая шторы —
прислушайся и форточку открой.

Скрипит ли ставень или снег метёт —
тревожное нахлынет ожиданье.
Внимай, оно послание несёт,
а время не прощает невниманья.

Лишь отвернись – и время хлынет прочь,
в зазоры, лазы, щели, промежутки —
и мимо жизнь проносится, как ночь,
как повороты сквозь окно маршрутки.

Остановись! Я вглядываюсь в мрак,
гляжу ему в лицо, не отрываясь —
и время останавливает шаг,
как на прикосновенье отзываясь.

ПЕСОК НА ЮЖНОМ БЕРЕГУ

Стихи не моих историй

ЦИКЛ «СНЫ БЕЗВРЕМЕНЬЯ»

1. СОН

Когда, покинув берега, мы плыли в край чужой,
ощепенением зимы объялся разум мой.

Спускалась ночь, качался борт, затягивало зрак...

Мне снился сон: моя страна погружена во мрак.

Мне снились те, кто дорог был в те золотые дни —
по одному, по одному срывались в тьму они.

И бешеный водоворот подхватывал и мчал,
и билась мутная волна о каменный причал.

Мне снилась череда разлук, тоскливый женский вой
и чей-то профиль в небесах светился надо мной;

холодный госпиталь в тифу, и вереница тел,
огни вокзала; снился брат, ведомый на расстрел.

И просыпаясь каждый раз, в зубах сжимая крик,
я ощущала, как разрыв немислим и велик,

как молча уходя в закат, уносят корабли
невозвратимость и тепло утраченной земли,

как ноют где-то под ребром прошедшие года
и как наотмашь гулко бьёт словечко «никогда».

2. ВРЕМЯ

Время накатывает – неудержимо и всепоглощающе,
как волна,
разом смывая мои песчаные крепости,
все страхи мои, все встречи, надолго отложенные, —
и я задыхаясь, захлёбываясь тоской,
отплёвываю осколки ракушек,
песком на зубах скрипящие,
мелкие камушки, водорослей обрывки,
силюсь бежать, из воды вырывая ноги —
в отчаянной жажде успеть самое главное —
слово сложить, нарисовать рассвет,
увидеть родные лица,
сказать: «люблю»...

3. ПАРИЖ

Нежнейший свет струится сквозь листья
и жмурится разнеженное утро,
и беспечальной плёнкой гладь воды
отобразит оттенки перламутра.

Я вспоминаю Петербург зимой,
снег, тяжело свисающий с ограды,
тревожность неба и метельный вой
или Невы немёрзнущей раскаты.

Я вспоминаю. А вокруг шумит
под щебет птиц неумолчное лето
и запах кофе в воздухе разлит,
и неумело плачет скрипка где-то...

На улице, пронизанной насквозь
прохладой, ленью, диким виноградом,
мне чудится, что я – случайный гость,
смутившийся недоуменным взглядом.
Я лишний здесь, где жимолости цвет
как россыпь звёздочек усеял пол кленовый,
увил веранду – и как будто нет
ни сожалений, ни прошедших лет,
ни горечи, ни времени примет,
ни нас самих – лишь утра тёплый свет

и Петербургский снег лиловый.

4. БЕЗВРЕМЬЕ

Каждый сходит с ума как умеет, не больше.
Прозрачная осень
заплетает объятья в косы и слово «вечность»
растирает в руках, как последний зелёный листик.
А давай говорить за себя —
я боюсь, это всё, что мы можем.
Даже если напрасно – так хотя бы всё-таки честно.
Объясни мне только: зачем ничего не знаем?
Неужели горячие волны не нашей боли
как прибой – бессмысленно чем попало играют
и, на берег выбрасывая измочаленные ошмётки,
тянут мокрые руки к душам бессильно-гневным?

5. ОДИНОЧЕСТВО

Безлюдье города! Безмолвье разговоров!
Отчаянье сквозь равнодушный смех.
Холодных лет, как затворённых створов
не одолеть. Укрыться ото всех,
уйти в себя – как в раковину, в горечь,
вкусив отраву памяти и лжи,
и ощутить беспомощность и немочь,
на здешние взирая кутежи.

Остановиться. Пал великий голем,
оплыл горой – и замер страшный бег.
Мы были – каждый – выброшены морем
истори на чуждый сердцу брег.
Отплёвываясь от песка и соли,
забивших горло плотной немотой,
мы шли вперёд и ноги нам кололи
колючки жёстких трав земли чужой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.